

Метафтонимия собственных имен в русском языке

Синтез метафоры и метонимии, называемый метафтонимией, рассматривается как стилистическое явление, употребляемое для создания образности. Осознание того факта, что «метафора часто возникает как следствие метонимии» [Падучева, 2004, 194], служит основанием для интерпретаций данного процесса как способа не прямой номинации [Goossens, 1990].

Приводимое в ряде англоязычных работ по когнитивной семантике высказывание *The ham sandwich left without paying* «Бутерброд с ветчиной ушел, не заплатив» [см., например: Markman, 1999] иллюстрирует тот факт, что традиционный метонимический перенос с предмета на человека при смещении фокуса внимания может рассматриваться как метафорический. В приведенном примере официант называет клиента, не заплатившего за обед, *бутербродом с ветчиной* на основании его сходства со сравниваемым объектом по внешнему виду, толщине и, возможно, каким-то иным признакам.

Метафора скрывает в себе метонимию; в свою очередь, метонимия способствует разумной лаконичности выражения при усилении экспрессивности создаваемого метафорой образа, например: «Москва никогда не спит. Москва всегда ест. Москва жует, проглатывает, вытирает жирные губы, Москва выпивает и закусывает, хрустит хрящами победительно» (А. Рубанов). В этом контексте метафора персонификации совмещается с метонимией: традиционный метонимический перенос «город → жители города» лежит в основе метафоры мегаполиса как живого существа, наделенного признаком хищности.

А. Н. Баранов пишет: «Традиционно считается, что в контекстах типа *Москва потребовала..., Вашингтон отказался...* реализуется метонимический перенос по смежности характеристик. В приведенных примерах представлена “смежность” по местонахождению: “правительство → город, в котором находится правительство”. Однако

некоторая модификация примеров указанного типа дает примеры, как минимум, не стопроцентно метонимические: *Москва прихорашивается к празднику весны; Вашингтон встречает вас музеями и помпезными государственными зданиями*. Эти контексты более правильно описывать как персонификацию, поскольку речь идет не о правительстве — “смежность” по свойствам исчезает: Москва осмысляется как прихорашивающаяся женщина, а Вашингтон — как встречающий вас мужчина» [Баранов, 2017, 5].

Имена руководителей государств, регионов, директоров предприятий в метонимическом употреблении называют возглавляемые ими органы власти, политические и экономические структуры. Метафоризация в контекстах с этими именами обусловлена скорее социальными, чем языковыми факторами: известный человек интересен обществу не как частное лицо, а как носитель идеологии, представитель интересов группы лиц. Поэтому разделение имени с конкретной референтной отнесенностью и вторичных номинаций (метонимических и метафорических словоупотреблений) становится сложно решаемой задачей. Например, имя *Сталин*, дважды употребленное в рамках одного фрагмента, в первом случае включено в метафорический контекст, а в конце приводимого фрагмента служит как обозначение вполне конкретного носителя имени, на что указывает эмотивный глагол *волновался*: «Решалась судьба спасенных Советской Армией евреев, над которыми в десятую годовщину народной сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения. <...> Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки. Сталин волновался» (В. Гроссман). В другом контексте — *Путин строит дороги и мосты* — акциональный предикат физического действия в обобщенно-фактическом значении несовершенного вида безотносительно к его ограниченности или неограниченности пределом указывает на метафтонимическое употребление, когда метонимия становится спусковым механизмом метафоры.

Основанием для разграничения метафоры, метонимии, конкретно-референтного употребления собственного имени и метафтонимического совмещения значений может стать семантический тип предиката и его грамматические характеристики, к которым в первую очередь относится частное видовое значение глагола. Такое разграничение принципиально важно для судебной лингвистической экспертизы, так

как установление референтной отнесенности конфликтного высказывания является ключевым этапом исследования.

Баранов А. Н. Персонификация и контексты со снятой метафоризацией // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Минск, 10–11 мая 2017 г.) / отв. ред. Л. М. Лещева. Минск, 2017. С. 4–5.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1 (3). P. 323–342.

Markman A. B. Knowledge Representation. New Jersey, 1999.

Шимон Погвизд

Институт славистики ПАН

Краков, Польша

szymon.pogwizd17@gmail.com

Польско-восточнословацкие семантические соответствия в развитии континуантов лексем праславянского происхождения

Лингвисты, занимающиеся историей словацкого языка, неоднократно обращали внимание на присутствие в восточнословацких говорах элементов, свойственных лехитской подгруппе западнославянских языков. Эти сходства существуют на уровнях фонетики, словообразования и лексики, что отличает упомянутую группу от остальных диалектов словацкого языка (западнословацкого и среднесловацкого). Происхождение восточнословацкого диалекта было предметом оживленных научных споров в течение многих лет. Многочисленные фонетические и лексические совпадения в восточнословацких говорах и в польском языке способствовали возникновению гипотез о польском происхождении этих говоров или о присутствии польского субстрата на территории Восточной Словакии (такого мнения придерживались, например, С. Б. Бернштейн, С. Чамбел, З. Штибер [Krajčovič, 1974, 13–27]). Другие слависты решительно сопротивлялись этой гипотезе, считая, что восточнословацкие говоры на самом деле словацкого